

ИСТОРИИ

«Мы не можем предотвратить приход психопатов к власти» Журналист Уки Гоньи работал в единственной независимой газете Аргентины во время военной диктатуры — и дождался падения режима. Мы с ним поговорили

05:03, 14 марта 2022 · Источник: Meduza

Фото: Keystone / Getty Images. Аргентинские солдаты на страже возле Дома правительства после переворота. 29 марта 1976 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

В 1976 году власть в Аргентине захватили военные, которые затем развязали в стране так называемую грязную войну: массовые аресты, пытки и убийства неугодных граждан, подозреваемых в симпатиях к коммунизму. Ее жертвами стали до 30 тысяч человек. Военные потеряли власть спустя семь лет — всего через полгода после того, как вступили в самоубийственный военный конфликт с Великобританией. Журналист Уки Гоньи в эти годы работал в газете Buenos Aires Herald — единственном в стране издании, которое рассказывало о похищениях и убийствах людей. Впоследствии он написал несколько книг о «грязной войне», о бегстве в Аргентину немецких нацистов после Второй мировой войны и о том, как эти два явления связаны между собой. «Медуза» поговорила с журналистом о его опыте работы в период диктатуры.

Уки Гоньи

«Ничего страшного не случится»

Я родился в 1953 году в США в семье аргентинских дипломатов. Мои родители сперва работали в Штатах, а потом в Ирландии. Там я и вырос. Помню, что наши посольства всегда были полны аргентинских военных. Подростком я часто слушал, как они сидят за столом и обсуждают, сколько людей надо убить, чтобы «починить Аргентину». Мне эти люди казались сумасшедшими.

В Аргентину я приехал, когда мне был 21 год, прямо перед военным переворотом.

За всю историю страны власть в результате государственных переворотов несколько раз переходила к военным.

В 1974 году, после смерти президента Хуана Доминго Перона (который тоже попал во власть после переворота), управление страной перешло к его жене — вице-президенту Исабель Перон. Перон — первая в мире женщина, ставшая президентом страны.

Тогда же активизировались оппозиционные движения. Радикальные организации совершали теракты и политические убийства. Экономика страны падала.

Президент Аргентины Исабель Перон объявляет, что не будет баллотироваться на переизбрание. 24 февраля 1976 года, за месяц до свержения

Keystone / Getty Images

24 марта 1976 года группа высокопоставленных офицеров аргентинских вооруженных сил совершила еще один переворот, арестовала Исабель Перон и установила в стране военную диктатуру с «национальной реорганизацией». В стране начался политический террор.

Присяга генерала Хорхе Рафаэля Виделы на посту президента Аргентины. 29 марта 1976 года

Wikimedia Commons

Происходящее меня шокировало. Я говорил, что наступил тоталитаризм и будет геноцид. Мне отвечали, что я параноик. Люди, которые жили в Аргентине в обстановке распада и скатывания к насилию, не понимали, что происходит. Им казалось, что ничего совсем уж плохого не случится, никто не собирается убивать всех подряд. Но я был уверен, потому что слышал, как военные говорят об этом за столом в посольстве.

Генералы из хунты говорили, что пришли спасти «западную, христианскую Аргентину» от коммунистов. Они утверждали, что американцы и европейцы не осознают, что идет третья мировая война — культурная и религиозная — против западного образа жизни, христианства и традиционных ценностей. И раз уж американцы и европейцы не готовы к этой войне с коммунизмом, атеизмом и молодежной культурой (они очень много внимания уделяли молодежной культуре), они решили сами начать ее в Аргентине.

С начала 70-х в стране было несколько радикальных группировок боевиков. Самая большая называлась Montoneros — левые перонисты⁽¹⁾. Они устраивали теракты: взрывали бомбы, похищали генералов, убивали полицейских. Но это были редкие и разовые акции, которые происходили и раньше. Левые не были сильным революционным движением.

POR EL SECUESTRO DEL SEÑOR TENIENTE GENERAL D. PEDRO EUGENIO ARAMBURU SE REQUIERE LA CAPTURA DE:

ESTHER NORMA ARROSTITO
alias "Irma", argentina, 36 años de edad,
casada. Cofis Blanco, 1.62 mts. de estatura,
C. I. No. 4.718.023 P. F. - L. C. No. 3.878.285.

MARIO EDUARDO FIRMENICH
alias "Manuel", argentino, 22 años de edad,
soltero. Cofis Blanco, 1.66 mts. de estatura,
C. I. No. A.872.021 P. F. - L. C. No. 7.794.358.

FERNANDO LUIS ABAL MEDINA
alias "Fernando", argentino, 23 años de edad,
soltero. Cofis Blanco, 1.85 mts. de estatura, delgado, C.I. No. 5.376.377 P. F. - L. C. No. 4.332.075.

DENUNCIELOS!

A la POLICIA FEDERAL o al organismo policial más próximo en todo el país.

Объявление с призывом осудить радикалов Монтонеро за первую акцию, которая произошла 29 мая 1970 года. Представители группировки похитили бывшего диктатора Педро Эухенио Арамбурю из его дома

Federal Police, Buenos Aires, June 1, 1970.

Ни одной из радикальных групп никогда не удавалось занять хоть один квартал даже на полчаса. Они были малочисленны и не представляли никакой реальной угрозы государству. Но военным нужно было сконструировать образ врага, они сеяли панику и страх в обществе. Повторяли, что радикалы представляют угрозу самому существованию Аргентины, и этим оправдывали государственный террор. Якобы есть опасность, что Аргентина превратится

в коммунистическую страну, как Куба. И надо убить всех этих молодых людей.

Тогда по телевизору крутили рекламу: карта Аргентины взрывается и разлетается на куски — но диктор говорит, что военные спасут страну. От кого конкретно, никто не говорил — просто от «терроризма» и тех, кто не согласен с «нашим западным, христианским образом жизни».

В Аргентине я устроился на работу в Buenos Aires Herald — маленькую местную газету на английском языке для приезжих из Великобритании.

Главным редактором Herald был британец Роберт Кокс. Тогда ему было 40 с небольшим, мне — чуть больше 20 лет, но мы стали друзьями. Он говорил мне: «Эти генералы не будут убивать людей. Все будет в порядке. Они положат конец насилию со стороны „леваков“⁽²⁾. Они джентльмены». Он так и сказал — «джентльмены». А я говорил, что они убьют столько народу, сколько смогут.

За время своего правления хунта убила 20 или 30 тысяч человек — точно не известно⁽³⁾. Они создали концлагеря по всей Аргентине, прямо как нацисты, и стали похищать людей. Схватить могли за то, что ты у кого-то «не того» был записан в телефонной книжке. Или за то, что у тебя

нашли книгу Че Гевары. За длинные волосы.
По доносу — в народе было много информаторов.

Женщина показывает фотографии своей дочери и внучки которых похитили в период правления военной хунты. 24 августа 1985 года
Ricardo Ceppi / Getty Images

Конечно, поначалу никто ничего не знал. Матери исчезнувших приходили в газеты — но ни одна из них не пускала их даже на порог. Тогда они стали приходить в Herald. Первой пришла женщина, которая рассказала, что ее сына забрали посреди ночи: «Не сказали, были они полицейские или военные — просто ворвались ночью, забрали сына». Мы опубликовали небольшую заметку об этом.

Через пару дней она вернулась со своей подругой. В ее семье случилось то же самое. Через пару недель к нам с одинаковыми историями приходили уже по 20–30 женщин в день.

Единственная независимая газета

Herald был очень скромной газетой — человек десять журналистов и очень маленькая аудитория. И это была в основном консервативная аудитория: пожилые английские леди и джентльмены. Но мы превратились в рупор для родственников desaparecidos, «исчезнувших».

Кроме нас никто об этом не писал. В обществе царило полное безразличие. За пределами редакции я ни с кем не мог поговорить о том, что происходит в Аргентине — даже с членами собственной семьи, с друзьями.

В то время у меня были длинные волосы, я слушал рок, играл на гитаре, дружил с такими же хиппи.

По выходным мы встречались, играли «Blowin» in the wind⁽⁴⁾, песни Led Zeppelin. И когда я им рассказывал, что в редакцию пришла очередная женщина, у которой ночью забрали сына, они тут же меняли тему: „Ну что, на какой фильм пойдем в кино?“

Матери пропавших людей тоже не могли говорить об этом: ни с родственниками, ни в церкви. Иногда они

приходили в редакцию со своими мужьями, и те нервничали: „Ничего им не говори! Если кто-то узнает, что у нас сына похитили, они могут и других наших детей похитить — или меня уволить!“

Помню, как мы опубликовали историю женщины о сыне, а она пришла снова. Мы не могли рассказать о ней во второй раз. Мне было двадцать с небольшим, а ей — около пятидесяти. Она сидела молча минут 10–15, просто держа меня за руку. А потом ушла.

Наш редактор Роберт Кокс составлял списки исчезнувших и ходил с ними к генералам в Розовый дом — аналог Кремля в Аргентине. Он говорил: „Если вы мне не скажете, где эти люди, если вы не поможете этим матерям, я опубликую этот список“. Это было безумие. Генералы просто смеялись.

Gral. BANZER

QUIERO A MI HIJA Y A MI NIETA

CARTA ABIERTA AL GENERAL HUGO BANZER

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Gral. Banzer

Querido General Banzer:

Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Gral. Banzer

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Gral. Banzer

CODIGO BANZER

"Solicito que se le pida al Sr. Banzer que entregue a todo ciudadano extranjero al gobierno de su país, aunque fuese delinciente común, sin que hubiese concluido el trámite de extradición."

Gracia

Carlota

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

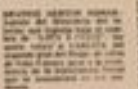
Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Querido General Banzer: Me dirijo a usted con la esperanza de que me conteste y me diga si es posible que me permita ver a mi hija y a mi nieta.

Desde que usted me arrestó, he estado en la cárcel, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta. He estado en la cárcel por más de un año y medio, pero no he podido ver a mi hija y a mi nieta.

Gracia

Gracia

PRESENCIA - 1.11.79 - LA PAZ - BOLIVIA

HABEAS CORPUS

a Dios !

A los trescientos años del acta de Habeas Corpus, llamado el Gran Mandamiento, instrumento fundamental en que manea, el hombre de derecho, pone a prueba su "vocación" por la Justicia,..... en la protección sagrada de la libertad del hombre.-

" 1 8 7 9 "

" 1 9 7 9 "

al Sr Roberto Cox

" Esperé, cuando llegó la revolución del Tercer Reich, que las universidades defendieran la verdad, pero TUVIERON QUE CALLAR. Puse los ojos en los grandes directores de periódicos, cuyos inflamados editoriales, habían proclamado, días antes, su amor a la LIBERTAD; y en la misma forma que las universidades, pasadas unas semanas, LES FUE IMPUESTO EL SILENCIO.

Miré entonces, hacia los grandes escritores, que como guías literarios de Alemania, habían escrito muchas cosas a la LIBERTAD moderna; y también ESTABAN MUDOS.

SOLO LA IGLESIA seguía de pie y firme ante la campaña por suprimir la libertad.

Nunca yo había tenido especial interés por la Iglesia, pero ahora siento por ella un gran afecto y admiración, porque únicamente la Iglesia, tuvo el valor y la persistencia de tomar a pecho la defensa de la verdad intelectual y de la libertad moral. Por eso, me veo obligado a confesar, que hoy alabo sin reservas, lo que antes desprecié "

Albert Einstein

Jóvenes,
ustedes son
la esperanza
del mundo,
de la Iglesia,
son mi
esperanza.

JUAN PABLO II

Dios ayudanos!

Bog dopomoz!

Tú puedes
hacer
que las
cosas
sean
diferentes

..... Tu lo comprendes !
..... tal vez algunos comprenden !
..... arrancados de su hogar !
..... desligados de sus seres queridos !
..... echados como perros fuera de su casa !

"Deja que te quiten tu tierra y tu casa y tu libro y el derecho
de hablar y entonces te dará cuenta.....JUAN PABLO II "

Страницы из брошюры об исчезновении жителей Буэнос-Айреса —
Хорхе Марсело Дизеля Левина и Мирты Нелиды Швальб де Дизель
Duke University Library

Мы опубликовали много имен, но спасли всего человек десять. Теперь я это знаю, потому что потом брал интервью у бывших заключенных концлагерей и они говорили: „Я выжил потому, что мое имя напечатали в Herald“. Военные ощущали себя защищенными и непобедимыми до тех пор, пока их преступления были скрыты за стеной молчания. Пока все оставалось в тайне, они могли делать что угодно, но пугались, если имя появлялось в газете.

Солдаты сами признавались в этом заключенным. Когда они стали понимать, что режим разваливается, они приходили к заключенным и говорили: „Мы понимаем, что в Аргентине будет свой Нюрнберг. Пожалуйста, скажи судьям, что я был к тебе добр“.

Мы в редакции постоянно получали звонки о минировании. И когда я ходил в полицию подавать заявление, мне казалось, что дежурный, который его принимает, и есть тот человек, который звонил с угрозой.

„У каждого режима есть какой-то символ“

Еще в первый день в Herald, возвращаясь домой с работы, я встретил во дворе людей, которые явно были полицейскими в штатском. Битловские парики, кожаные куртки — они пытались выглядеть модно. У одного из них была кожаная сумка из которой торчала магнитная лента. Я спросил у соседей, кто это был. Мне сказали, что они установили прослушку в коробке на крыше, куда сходятся провода от всех телефонов в доме. После я часто встречал этих ребят. Они приходили каждый день, чтобы поменять пленку.

У каждого такого режима есть какой-то символ. У аргентинского режима это была американская машина Ford Falcon, старая модель 60-х годов, которую продолжали выпускать в Аргентине. Мы знали: если по улице едет зеленый Ford Falcon без номеров — иди в другую сторону. Каждый вечер, когда я приходил домой, у дома стоял такой Ford Falcon с двумя мужчинами внутри. Они следили за каждым моим шагом.

Реклама автомобиля Ford Falcon 1966

Mercado Libre SRL

Мы никогда не подписывали заметки своими именами. Сейчас, кажется, Washington Post объявила, что ее корреспонденты, которые находятся в России, не будут подписывать свои заметки. Иногда мы подписывались просто „корреспондент Herald“. И даже это было опасно.

Мы прятали эти заметки в собственной газете. Например, в рубрике „Аргентина вкратце“: параграф про урожай зерновых, параграф про политику, а между ними — маленькое сообщение, что кого-то еще похитили.

Мы получили угрозы. Дети нашего редактора Роберта Кокса (у него их пятеро) получали письма: „Мы очень любим тебя и твоего папу. Будет очень плохо, если с вами что-нибудь случится. Мы не едим маленьких детей. Может быть, вам стоит уехать из Аргентины“. Роберт говорил: „Я останусь и доведу это дело до конца“. Однажды пытались похитить его жену. Остановили ее машину на улице. Но ей удалось вырваться. В конце концов семья решила уехать.

Матери пропавших на марше с требованием осудить виновных в похищениях. 22 мая 1980 года

BNA Photographic / Alamy / Vida Press

Когда Кокса вынудили уехать — это был конец. Темой похищений в редакции занималось всего несколько

человек, остальные тоже считали, что пропавшие — коммунисты, которых не было жалко. После отъезда Роберта новый редактор сказал, что ситуация изменилась и мы перестанем работать как прежде.

Мне стало непросто работать в Herald. Благодаря тому, что мы единственные освещали происходящее, наш дневной тираж подскочил с 3 до 20 тысяч. Иногда я видел вырезки из Herald на стенах в магазинах. Люди, которые не читали по-английски, все равно покупали газету, потому что хотели знать, что происходит в стране. И я говорил, что, если мы перестанем писать о правах человека, наша аудитория уменьшится — это будет, помимо прочего, еще и плохое бизнес-решение. Но редакция была слишком напугана.

Мне и самому порой было страшно. Как-то я сказал отцу: „Если со мной что-то случится — свяжись с американским посольством. Я родился в США — может, они смогут что-то сделать“. А он ответил: „Ни за что! Ты аргентинец. Если с тобой что-то случится — это твое дело“.

Хоть военные уволили его с дипломатической службы, у него осталось чувство ответственности за Аргентину. Он настаивал, чтобы я был именно аргентинцем. Может, если бы со мной что-то действительно случилось, он бы позвонил американцам. Я не знаю.

Конец диктатуры

В предшествующие годы [начиная с 1965 года] Великобритания пыталась передать Аргентине Фолкленды⁽⁵⁾ (аргентинцы называют эти острова Мальвинами). Происходили секретные переговоры. Я знал об этом из тех же разговоров за столом в посольстве.

Британцы предлагали острова на тех же условиях, что Гонконг: они признают суверенитет Аргентины и берут острова в аренду на 99 лет. Аргентинцы не соглашались ни на что, кроме полного суверенитета. Власть потеряла контакт с реальностью, стала верить в мир, который сама придумала. Они думали: британцы хотят отдать нам эти острова, если мы их захватим, британцы даже не отреагируют — острова далеко, они тратят на них деньги.

О СВЯЗИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ ДРУГОГО ПОЛИТИКА

Вторжение в Украину — это финальная битва Путина с реальностью Максим Трудолюбов — о том, как проиграть войну, просто начав ее

Аргентинским солдатам, которых отправили воевать за Фолкленды, было по 18–19 лет, призывники. У них не было должной подготовки, они даже не знали, куда их посылают. Вдруг они оказались на этих насквозь

промерзших островах в Южной Атлантике без необходимого обмундирования.

У меня были родственники, которые работали на режим, и когда Аргентина захватила Фолкленды, они торжествовали: „Мы победили!“ Я говорил: „Нет, вы не победили. Вы начали войну с НАТО! Британцы пришлют Королевский флот и сотрут вас с лица земли“.

Это был просчет. Военные не ожидали такой решительной реакции Великобритании⁽⁶⁾. И не ожидали, что американцы будут помогать британцам.

Аргентинские военнопленные в Порт-Стэнли, столице Фолклендских островов. 15 июня 1982 года

Ken Griffiths / Wikimedia Commons

Куча выброшенного аргентинского оружия в Порт-Стэнли, столице Фолклендских островов. 15 июня 1982 года

Ken Griffiths / Wikimedia Commons

Войну проиграли. Дела и прежде шли не очень хорошо из-за экономических трудностей. Военные пользовались поддержкой лишь до тех пор, пока экономическая ситуация устраивала хотя бы достаточное количество привилегированных людей. Но когда экономика перестала устраивать даже элиту, военные лишились поддержки. И режим быстро рухнул.

По моему опыту, ничего нельзя сделать, чтобы свергнуть такой режим. Приходится сидеть и ждать, когда он рухнет сам. Такое энергичное и властное зло живет недолго. У него как будто есть стремление к смерти. Война с Британией ведь была для аргентинского режима

самоубийством. Я думаю, им просто надоело — и это был способ уйти красиво, в борьбе.

Диктатура в Аргентине пала не из-за внутреннего сопротивления. Молодые люди не восстали на улицах. Политики не объединились и не добились возвращения демократии. Режим рухнул под собственной тяжестью. Они просто до такой степени все ***** [потеряли], что им не оставалось ничего, кроме как уйти самим.

В тот период Аргентину возглавлял довольно безумный генерал Леопольдо Галтьери. Когда война была проиграна, он ушел в отставку. Его сменил генерал, который носил не военный мундир, а гражданский костюм, — Рейнальдо Биньоне. Он оказался готов к диалогу с политиками, пригласил их на переговоры. Они составили план организации выборов. Это заняло некоторое время, но в итоге выборы состоялись — еще при действующей диктатуре. И диктатор передал власть избранному президенту Раулю Альфонсину.

Когда аргентинская хунта ушла, они заключили джентльменское соглашение с новой властью, что их не будут судить. Нам повезло с нашим первым демократически избранным президентом Раулем Альфонсином. В первые пару лет судебных процессов действительно не было. Но потом он решил, что генералов нужно судить. Он создал следственную комиссию по расследованию преступлений хунты, и все

ее члены предстали перед судом⁽⁷⁾. Роберт Кокс, редактор Herald, был свидетелем.

Суд над членами хунты. 22 апреля 1985 года

Telam / Wikimedia Commons

После осуждения главарей хунты стали судить офицеров более низкого ранга. Из-за этого возникла угроза военного мятежа. Тогда под давлением военных издали особый закон об амнистии: новые расследования и суды за преступления диктатуры были запрещены. Закон отменили только через двадцать с лишним лет, и суды над теми, кто участвовал в государственном терроре, у нас идут до сих пор — спустя сорок лет. Я выступал свидетелем на процессе в 2011 году. В 2017-м осудили

еще одного офицера — в том числе на основании материалов моей книги.

В мире не так много стран, которые судили своих собственных диктаторов. Это был не Нюрнберг, который проводили внешние силы. Аргентина тут проявила себя с наилучшей стороны — около тысячи человек уже осуждены.

Палачи — это соседи

[Уже после ухода из Herald и падения диктатуры] я изучал, как нацисты после войны скрывались в Аргентине. Я брал интервью у многих нацистов: у личных помощников Геббельса⁽⁸⁾ и Риббентропа⁽⁹⁾, у людей, которые работали в рейхсканцелярии и лично были знакомы с Гитлером. Я брал интервью у тех, кто занимался пытками и убийствами в Аргентине при диктатуре. Они были в основном психопатами, у них не было эмпатии. Единственное, что в них вызывало какие-то эмоции, — это крайняя жестокость.

Один из таких людей был другом моих знакомых. Помню, как встретил его на одной из вечеринок. Прихожу, а он там танцует. Я сказал хозяину: „Он же палач!“ А тот ответил: „Нет, он герой!“ Я пытался понять: в чем разница между ним и мной? Если бы я родился

и вырос в Аргентине и пошел бы в военное училище, как он, — стал бы я убийцей?

Среди аргентинских военных и полицейских, вероятно, были те, кто не хотел бы пытаться и убивать людей.

Но вынуждены были, потому что им приказали. И были те, для кого это был настоящий шанс: они могли убить кого угодно, изнасиловать любую женщину. Случалось, что офицер похищал и привозил в концлагерь девушку, которая ему нравилась, но отказала.

Мне кажется, полиция и подобные структуры привлекают прежде всего людей, склонных к насилию. Но эту склонность они реализуют в полной мере лишь до тех пор, пока режим им это позволяет и пока оправдывает это борьбой с воображаемым врагом. Когда режим меняется, такие люди становятся совершенно безвредными, словно их рубильником выключили. Ни один из нацистов или аргентинских убийц, у которых я брал интервью, не продолжал убивать людей после падения режима. Нацисты, переехав в Аргентину, не отыскивали там евреев. Большинство людей держат под контролем свою жажду жестокости. Пока есть государство, которое не признает это нормальным.

Помню как в первые недели [после переезда в Аргентину] я гулял по еще незнакомому Буэнос-Айресу с его широкими проспектами и на одном из них увидел

белый обелиск, очень высокий. Вокруг него вращалось гигантское кольцо с надписью El silencio es salud: „Тишина — это здоровье“. Я стал выяснять, что это значит. Оказалось, это слоган кампании против водителей, которые злоупотребляют клаксонами. Потом я узнал, что чиновник, который это придумал⁽¹⁰⁾, в 1940-е годы помогал нацистам сбежать в Аргентину.

* * *

Стенд с фотографиями пропавших детей в помещении организации «Матери пропавших без вести». Над портретами надпись — «Мы хотим, чтобы они были живы»

Andrew Hasson / Vida Press

Я много занимался темами нацизма, Холокоста и государственного террора в Аргентине. Про такие вещи часто говорят: „Больше никогда!“ Я был свидетелем на судебных процессах против военных, и мою книгу⁽¹¹⁾ использовали в качестве доказательства на таких процессах. Я всегда говорю: „больше никогда“ — это неправильно, потому что такие вещи будут повторяться. Все, что мы можем сделать, — это подготовиться, чтобы, когда это случится, снизить ущерб насколько возможно. Мы не сможем предотвратить приход психопатов к власти.

Некоторые диктаторские режимы не устраивают полноценный геноцид — как Франко⁽¹²⁾ в Испании или Кастро на Кубе. Они могут продержаться у власти по 40–50 лет. Те, кто устраивает геноцид, обычно живут недолго.

Хочу сказать: будьте бдительны. Пока есть марши на улице, даже если участников задерживают, — это хорошо, потому что это означает, что общество еще живо. Следующий шаг — это когда наступает тишина, когда в газетах перестают освещать происходящее. Убийцы не начинают массовые убийства, пока не уверены, что об этом не расскажут.

Почему в России нет (хотя бы) сотысячных митингов против войны? Объясняет социолог Григорий Юдин. Он сам оказался в больнице после антивоенной акции

Записал **Артем Ефимов**

(1) Перонизм

Идеология „третьего пути“, сочетающая капиталистические и социалистические принципы. Названа по имени генерала Хуана Перона, президента Аргентины в 1946–1955 и в 1973–1974 годах. Перонизм делился на два направления — правых консерваторов и левых сторонников социальных реформ, после смерти Перона борьба оппозиции привела к терактам, а затем и к государственному перевороту со стороны военных, поддержавших консерваторов.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Перонизм

Идеология „третьего пути“, сочетающая капиталистические и социалистические принципы. Названа по имени генерала Хуана Перона, президента Аргентины в 1946–1955 и в 1973–1974 годах. Перонизм делился на два направления — правых консерваторов и левых сторонников социальных реформ, после смерти Перона борьба оппозиции привела к терактам, а затем и к государственному перевороту со стороны военных, поддержавших консерваторов.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Жертвы „грязной войны“

„Грязная война“ — общее название для нескольких лет государственного террора. Ее жертвами считаются 30 тысяч убитых и пропавших без вести (фактически, скорее всего, тоже убитых). Это консенсусная оценка многих правозащитных организаций, но не все во власти с ней не согласны. Президент Аргентины Маурисио Макри (с 2015 по 2019 год), в период своего пребывания на высшем посту высказывал сомнения в этой оценке, вслед за многими аргентинскими политиками и общественными деятелями.

[Вернуться к тексту](#)

(4) „Blowin“ in the wind»

Самая знаменитая антивоенная песня Боба Дилана, написанная в 1962 году.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) Фолкленды / Мальвины

Небольшая группа островов в южной части Атлантического океана. Они несколько веков были предметом спора между европейскими колониальными державами Британией и Испанией. Острова фактически находятся под контролем Великобритании с 1833 года.

Соединенные провинции Рио-де-ла-Плата (государство — предшественник Аргентины) претендовало на них с тех пор, как провозгласило независимость от Испании в 1810 году, и не отказывается от притязаний.

В 2013 году на референдуме большинство фолклендцев проголосовали за сохранение статуса британской заморской территории.

[Вернуться к тексту.](#)

(6) Фолклендская война

Аргентинские части заняли Фолкленды 2 апреля 1982 года. Уже 6 апреля британский премьер Маргарет Тэтчер создала военный кабинет. Британский флот, ВВС и морской десант разгромили аргентинские силы за неполных три месяца. Аргентинцы капитулировали 14 июня. Потери с аргентинской стороны составили 649 человек, с британской — 255, среди мирного населения Фолклендов — три человека.

[Вернуться к тексту.](#)

(7) Суд над хунтой

Девять ведущих деятелей военной диктатуры, включая генералов Хорхе Виделу, Эмилио Массеру, Роберто Виолу и Леопольдо Гальтери, были осуждены в 1985 году на сроки от четырех с половиной лет до пожизненного.

[Вернуться к тексту.](#)

(8) Йозеф Геббельс

Один из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера, гауляйтер (главный управляющий) Берлина и министр пропаганды нацистской Германии. Покончил с собой вскоре после Гитлера, 30 апреля 1945 года, в Берлине, взятом советскими войсками.

[Вернуться к тексту.](#)

(9) Йоахим фон Риббентроп

Министр иностранных дел нацистской Германии с 1938 по 1945 год. Повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 году.

[Вернуться к тексту.](#)

(10) Хосе Лопес Рега

Министр социального обеспечения и самый влиятельный человек в окружении президента Исабель Перон.

[Вернуться к тексту.](#)

(11) «Иуда: подлинная история Альфредо Астиса, провокатора»

Книга Уки Гоньи об офицере аргентинских военно-морских сил и спецслужб времен диктатуры. Астис специализировался на внедрении агентов в правозащитные организации, а также лично участвовал в пытках и внесудебных расправах в концлагерях.

[Вернуться к тексту.](#)

(12) Франсиско Франко

Диктатор Испании с 1938 до 1975 года.

[Вернуться к тексту.](#)

m